

Федор Сергеевич Корандей

к. и. н., старший научный сотрудник

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

E-mail: brecht_1@mail.ru

ЕВРОПЕЙЦЫ О СИБИРИ: КАК ТЮМЕНЬ НА ВРЕМЯ ПЕРЕСТАЛА БЫТЬ ТРАНЗИТНЫМ ПУНКТОМ НА ПУТИ В СИБИРЬ (ШАДРИНСКИЙ ОБЪЕЗД). ОПЫТ АНТОЛОГИИ¹

Представленная ниже антология — часть проекта, посвященного европейским путевым описаниям сибирских путешествий XVII–XIX вв. На сегодняшний момент корпус известных нам описаний путешествий через тюменский транспортный узел включает в себя свыше 150 текстов на русском, английском, французском, немецком, польском, шведском и датском языках.

Перемещение основного сухопутного канала проницаемости, соединявшего Россию с Сибирью с севера (направление Верхотурье–Тобольск) на юг (Екатеринбург–Омск) было подготовлено событиями XVIII в. Наиболее значительными среди них были следующие: проведение в первой половине XVIII в. пограничных линий, прикрывших сельскохозяйственный юг Западной Сибири от набегов кочевников (основание Омска, 1716 г.); оскудение пушных запасов Приобья, для освоения которых был в свое время поставлен на границе таежной зоны Тобольск (следствием чего отчасти явились административные реформы XVIII в., приведшие к разделению Сибирской губернии); создание транспортной сети сухопутных трактов, отделенной от речных артерий (в том числе создание регулярного почтового сообщения). Передача административных функций Тобольска Омску (фактически должностные лица и учреждения переехали из Тобольска в Омск в мае 1838 г.) сразу же отражается в текстах известных нам сибирских путевых описаний: между 1824 и 1841 гг. мы не находим в корпусе ни одного путевого описания, связанного с омским направлением, но после 1841 г. оно становится предпочтительным, за исключением тех случаев, когда автор желает посетить Тобольск как исторический памятник или едет специально в Среднее Приобье.

Судя по данным корпуса, с 1839 г. по начало 1860-х гг. путешественники, ехавшие в Сибирь и из Сибири по системе трактов, как правило, предпочитали в качестве основной дорогу через Ишимскую степь на Тюкалинск и Омск. Важным событием транспортной истории региона стало учреждение в 1840 г. на участке Екатеринбург–Тюмень вольных почт. Организация движения (содержание станций и лошадей, перевозка пассажиров и почты) была передана здесь частным лицам:

«Почтовый департамент... заключил 1 июня (1848 г. — *Ф. К.*), по утвержденному Правительствующим Сенатом проекту, контракт с Пермским 2-й гильдии купцом Васильем Михайловым на учреждение и содержание в течение десяти лет вольных почт по трактам от Екатеринбурга через Камышлов до Тюмени, от ст. Косулиной до Шадринска и от Камышлова до Ирбита. <...> к 1 января будущего 1849 года почтосодержательские

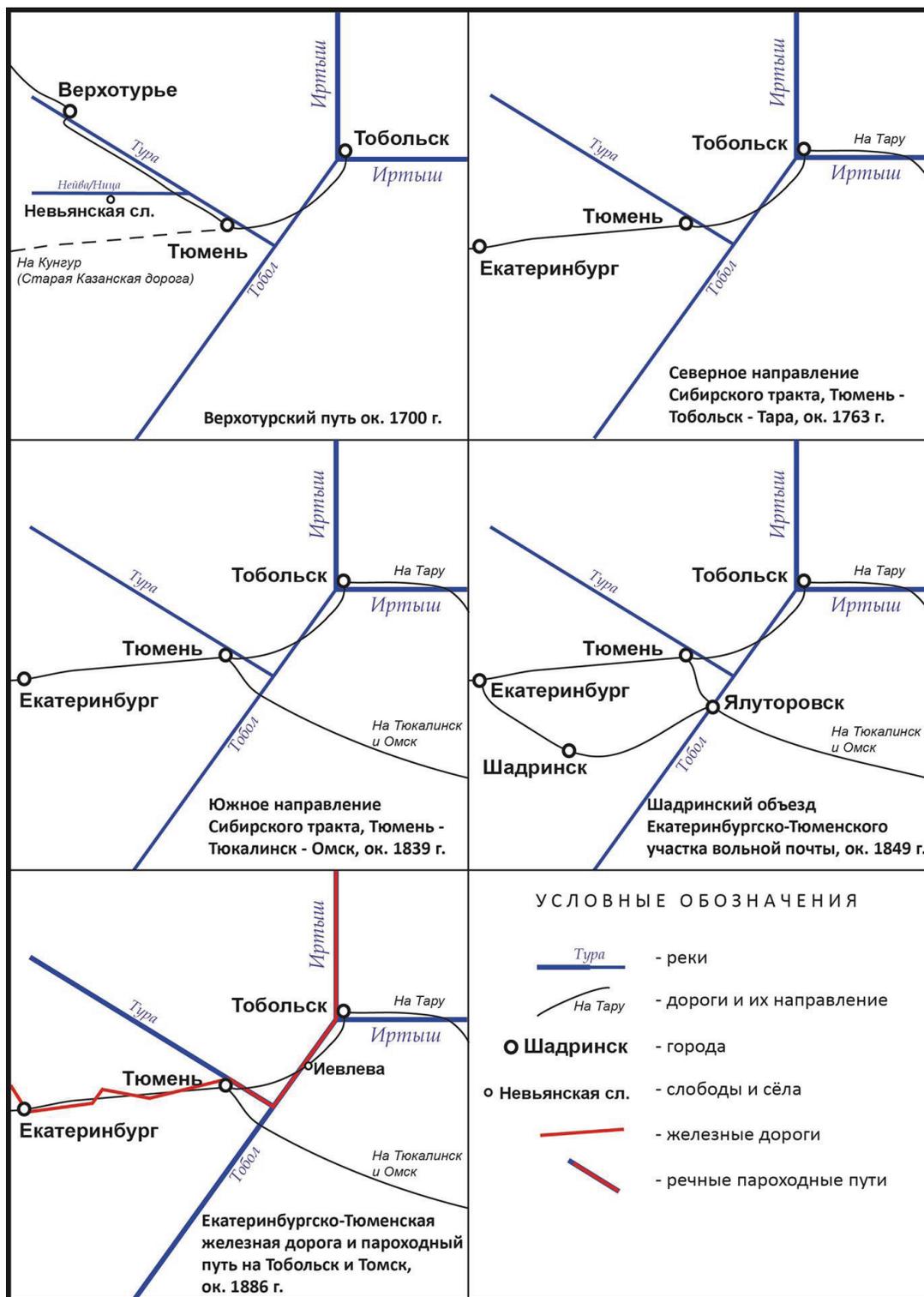
¹ Проект поддержан грантом РГНФ № 14-31-01248; картограммы выполнены по гранту РФФИ № 14-06-31317.

станции по трактам от Екатеринбурга до Тюмени, от станции Косулиной до Шадринска и от Камышлова до Ирбита уничтожаются, а купец Михайлов обязан открыть с того времени на сих трактах вольные почты на следующих основаниях: а) содержать для отправления почтовой гоньбы по вышеозначенным трактам, в пунктах ныне существующих станций <...> по столько лошадей на каждой, чтобы почты, эстафеты и все проезжающие по казенным и частным надобностям, как по подорожным, так и без оных, но с законными видами, а также и дилижансы разных наименований, никогда не имели никакой остановки <...> б) вместо употребляемых ныне перекладных телег, купец Михайлов обязан иметь: для возки тяжелой и легкой почт, крытые тарантасы на железных осях, а для зимы тоже крытые экипажи на манер баулов; для проезжающих же: зимою, сани прочные и удобные с кибитками, покрытыми кожами или крепкими циновками, с запонами из циновок же, с отводами и железными подрезами, а летом, весною и осенью, начиная с 1 мая 1850 года, брички на железных осях. <...> в) всех кучеров и фореитеров купец Михайлов должен одевать пристойно и единообразно, по определенной почтовым начальством форме. На шляпах и шапках кучеров и фореитеров должны быть медные бляхи, с выбитой надписью, означающей почтовую станцию, к которой они принадлежат, а на левом рукаве кафтанов (из темно-зеленого сукна), выше сгиба локтя, медная же бляха с изображением государственного герба и под оным двух почтовых рожков»¹.

Взамен этого купцу Михайлову предоставлялось право взимать повышенную плату за проезд — с проезжающих по казенной и частной надобности и за возку почт и эстафет прогонные деньги по 3 копейки серебром на версту и лошадь. Кроме того, тем же соглашением устанавливалась монополия Михайлова на перевозку на данном участке: «Сверх того, во избежание соперничества в возке проезжающих, воспрещается обывателям и всяким лицам на трактах от Екатеринбурга до Тюмени, от станции Косулиной до Шадринска и от Камышлова до Ирбита заводить свои станции или иметь между станциями, содержимыми купцом Михайловым, подставы; но обывателям дозволяется перевозить по прежнему, товары и тяжести, а также пассажиров, едущих на долгих, а не на так называемых сдаточных лошадях».

С 1849 г. повышение платы за проезд в сравнении с обычной, недовольство частных извозчиков, вытесненных с привычных мест, видимый контраст между обычными условиями путешествия на почтовых и инфраструктурой преуспевающих «вольных почт» становятся общим местом в рассказах о путешествии по Западной Сибири. Во многом именно этот топос недовольства, хорошо представленный и в специальной периодике, повлиял на судьбу «вольных почт» как учреждения — хотя наследники Михайлова продолжали его дело на этом участке и десятилетия спустя, эксперимент не был распространен на другие области империи. Первые тексты антологии свидетельствуют, что шадринский объезд Тюмени был известен как рутинное обстоятельство сибирского путешествия задолго до учреждения «вольных почт» (первое упоминание такого рода в нашем корпусе содержится в записках А. Н. Радищева о возвращении из сибирской ссылки и датируется концом апреля 1797 г.). Вместе с тем эта дорога становится значительным фактом литературы путешествий только тогда, когда нарушается привычный транспортный порядок. Именно на таком сломе, как правило, возникают топосы популярного географического знания, устойчивые географические репрезентации.

¹ Здесь и ниже указ цитируется по: ПСЗРИ. № 22477. 27 июля 1848 г. Сенатский указ «Об учреждении вольных почт по трактам от Екатеринбурга через Камышлов до Тюмени, от ст. Косулиной до Шадринска и от Камышлова до Ирбита».

© Ф. Корандей, С. Рассказов, Лаборатория исторической географии и регионалистики Тюменского Университета
 Грант РГНФ № 14-31-01248, грант РФФИ № 14-06-31317.

Рис. 1. Эволюция Тюменского транспортного узла в XVII–XIX вв.
 Картограмма С. В. Рассказова

1. [1802, май] Давыдов Г. И. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. СПб.: Морская типография, 1810.

Гавриил Иванович Давыдов (1784–1809), мичман российского флота. В апреле 1802 г. по предложению Российско-американской компании проехал трактовым путем в Охотск для дальнейшего путешествия в Америку. «В 11-ть часов ночи выехали мы из Петербурга, в провожании всех своих приятелей. За рогаткою простились с ними; сели на перекладную телегу, ударили по лошадям и поскакали... в Америку». Дата отправления из Санкт-Петербурга неизвестна. 12 мая Д. был в Казани, 18 мая в Перми, 21 — в Екатеринбурге, 1 июня он достиг Томска. В Охотск Д. прибыл в августе 1802 г. (дата не указана).

21-го вечером проехали город Екатеринбург, славный своими заводами, ломкою в окрестностях мрамора и изобилием разных родов цветных камней. В нем много каменных строений и три или четыре такие же церкви, прекрасного зодчества. Мрамор отправляемый из Екатеринбурга, возят лошадьми до пристани на реке Чюссовой, отколе уже отправляют водою.

Коль скоро кто въедет в Екатеринбург, то к нему явится множество людей с разными отшлифованными камнями, с перстеньками и другими безделицами здешней работы. Все сие, конечно, очень дешево продается, но зато ничего нет отменно хорошего.

Я слышал здесь, что на казенном заводе, изо ста пудов золотой руды, выходит от 4-х до 6-ти золотников чистого золота.

В 28-и верстах от Екатеринбурга, дорога в Иркутск разделяется на две: одна идет через город Ишим, а другая через Тобольск; мы взяли первую, ибо она короче 250-ю верстами.

В 200 верстах от Екатеринбурга находится город Шадринск, лежащий при реке Исети, которая, разделяясь в сем месте на разные рукава, делает много островов.

Чем далее ехали по Сибири, тем более примечали уменьшение населения; хотя места сии могут иметь несравненно большее. Земля почти всюду прекрасна и плодородна; проехав Уральские горы местоположение становится по большей части ровное, особливо по Барабинской степи, которая хотя называется сим именем, однако не есть собственно степь; но представляет всюду приятные перемены в видах, происходящие от множества березовых рощ, рассеянных по всему пространству сей обширной равнины. Не доезжая Барабинской степи и проехав оную, находит повсюду прекраснейшие лиственничные и сосновые леса, так и некоторые других родов деревья.

2. [1806, февраль] Вигель Ф. Ф. Записки. Ч. II. М., 1892. С. 151–153.

Филипп Филиппович Вигель (1786–1856), член посольства в Китай (1805–1806), возглавлявшегося Ю. А. Головкиным. Посольство двигалось обычной дорогой через Нижний Новгород и Казань (оставлена 13 июля). В Кяхту В. прибыл 29 сентября 1805 г.

От Екатеринбурга пролегают две дороги во внутренность Сибири: одна идет на Тобольск, другая чрез уездный город Ишим, и последняя тремястами верстами короче первой. Мы избрали последнюю, тем более что на ней было для нас приготовлено большее число лошадей. С первой станции Косулиной, где дорога делится надвое, своротили мы вправо и чрез несколько часов приехали на казенный, чугуноплавильный Каменский завод. Как для жителей Петербурга отработка чугуна не представляет ничего нового, то и отклонили мы предложение идти смотреть ее; но как заводы в Сибири суть настоящие города, то и воспользовались приглашением управляющего провести у него вечер и ночь. Это было с 31-го июля на 1-е августа; когда мы встали, чтобы продолжать

путь, то с чувством не совсем приятным нашли, что воздух сделался вдруг гораздо свежее; и в России август почитается осенним месяцем, а мы ехали в Сибирь.

Мы стали более торопиться, чтобы менее времени провести в дороге, и для того начали скакать день и ночь. Таким образом, решительно не видел я заштатного города Долматова, ибо спал, когда переменяли в нем лошадей; в уездном же за тем городе Шадринске мы едва кое-что успели перекусить. Спешили, мучились мы напрасно, проезжая чрез места изобильныя, приятныя, где везде можно было найти припасы и чистые, удобные ночлеги: там только, где нет их, надобно вести скаковую жизнь в коляске. Чрезмерно уставши, на общем совете положили мы остановиться и переночевать в селе Сопинине и там проститься с Пермскою губернией и Модерахом, то есть с прекрасными его дорогами. Однако же, в этом селении не мог я много отдохнуть; мне отвели особую избу, где первый раз в жизни увидел я человека с рваными ноздрями: это был ея хозяин; каюсь в своей трусости, я заставил солдата нашего отделения ночевать с собою.

Грустною улыбкою встретила нас Тобольская губерния: стало опять жарче, но небо покрылось серыми тучами, и теплый, тихий, мелкий дождик начал портить дорогу, и без того незавидную, когда мы прибыли на станцию Мостовскую — людное и зажиточное селение с самым живописным местоположением. После этой станции, отъехав верст сто, за речкою Тоболом, которая шириною с Каму, природа начинает приметно дурнеть, болотные места показываются чаще, и лес становится мельче. Тут, на одной из станций, помнится Гольшмановой, остановились мы в необыкновенном жилище, составленном из четырех флигелей, соединенных между собой переходами. Хозяин с бородой и в простом крестьянском платье встретил нас с учтивостию и приветами образованных людей; на нескромный вопрос, кем-то из нас сделанный: кто он таков, отвечал он, нахмуясь и очень сухо, что простой мужик; потом удалился и не возвращался, но прислал нам довольно порядочный обед.

На безлюдие, говорит пословица, и Фома человек, и в малонаселенных местах смотрят на малые города почти как на маленькия столицы; мы сами, петербургские жители, подъезжая к Ишиму, видели в нем как будто нечто важное. Этот чистенькой город был не очень мал. Во время нашего проезда гордился и славился он тем, что был местом рождения коллежскаго советника Бакулина, перваго министра, то есть правителя Канцелярии господина Селифонтова, генерал-губернатора всея Сибири, и летним местопребыванием госпожи Бакулиной, которая в нем жила и царствовала. Я сам видел, как встретясь на улице с сопровождавшим нас в прогулке городничим, она величественно, почти повелительно с ним говорила и как подобострастно, с непокрытою и опущенною головою, отвечал он ей. Увы! Все это могущество и слава скоро должны были исчезнуть как дым.

Отъехав верст триста от Ишима, у станции Крупенской, мы переправились через знаменитый Иртыш, в водах котораго погиб Ермак, наш Кортес, наш Позарро. Я тогда прочел еще не много русских стихов, но это немногое знал наизусть: как мне обидно показалось, когда я увидел, что Иртыш в этом месте совсем не крутит и не сверкает, как у Димитриева, а в ровных берегах медленно катит желтоватую, от глины погустевшую волну.

Вдоль всей этой дороги, от самого въезда в Тобольскую губернию, находились мы в близком разстоянии от Сибирской линии, по которой регулярныя войска и козаки охраняют эту сторону от вторжений киргиз-кайсацких. Но они ведь не черкесы, однако же иногда сквозь кордон не пробивались оне, а прокрадывались, не отважно действовали, а, говоря словами жителей, пошаливали, то есть захватывали стада и, кое-когда, их стерегущих. Разказы о том возбудили если не опасения наши, то по крайней мере внимание. Однажды, подняв верх коляски, по ровной дороге мы с Сухтеленом медленно ехали на усталых конях и крепко заснули, как вдруг пробуждены были страшным топо-

том, ржаньем и криками. Старик и молодой, оба онемели — с ужасом брошенный друг на друга взгляд сказал: мы в плену; мы не смели выглянуть и чувствовали, что вокруг нас несутся эскадроны. Что же вышло? Целыя сотни, «косяки», как их там называют, целые табуны лошадей перегонялись жителями с одного пастбищного места на другое. Можно себе представить, как смешно и стыдно нам стало самих себя.

Ужаснее сего происшествия в сих ужасных местах мы ничего не видели. Если б я был одарен живым воображением нынешних французских писателей, то какими прелестными выдумками мог бы украсить свой разказ; хочется, да не могу, как-то совестно: хотя я и путешествовал, и далеко путешествовал, а все лгать не выучился. Вот-таки, например, недавно появился роман господина Александра Дюма, под названием Метр д'Арм. У меня волосы становились дыбом, когда я читал о всех лишениях и мучениях, претерпленных бедным мусью Метр д'Арм на пути из Казани в Тобольск. А между тем лет за двадцать прежде описываемого им, по тем же самым местам преспокойно проехал я взад и вперед, находя везде селения, просторныя, чистыя, теплыя избы, в которых днем сытно ел, а ночью сладко спал. Если б я имел случай встретиться с сочинителем, то со всем уважением к его великому таланту позволил бы себе сказать ему: «Послушайте, г[осподин] Александр Дюма, не будьте правдивы: это всякому французу дозволено, но, по крайней мере, будьте сколько-нибудь правдоподобны. Ведь все ныне смеются над вашим же соотечественником Левальяном, который никогда не бывал во внутренности Африки, хотя вместо дичи и настрелял там множество тигров и гиэн. Вы также всех волков и медведей изо всей России сослали навстречу вашему Метр д'Арм; вы из них составили целыя полчища и на необитаемой, безпредельной снежной равнине, при сорока градусах мороза и при свете севернаго сияния заставляете его с ними сражаться. Несчастный! Если он и победил, то как он не умер или не сошел с ума; нет, г[осподин] Дюма, вы слишком безчеловечны». Что делать: у французов так уже ведется; между ними есть некоторыя условныя истины, которым они верят более, чем настоящим.

Надобно сказать правду, что места, чрез кои мы проезжали, совсем не были привлекательны красотою, что в избах тараканы хозяйничали и жили в совершенном согласии с людьми и, наконец, что все это было лишь приготовлением к величайшим неприятностям путешествия и к воззрению на настоящее безобразие природы. Мы приближались к Барабинской степи.

3. [1839, февраль] Загоскин Л. А. Заметки жителя Того Света // Маяк современного просвещения и образованности. СПб., 1840. Ч. 9. С. 17.

Лаврентий Алексеевич Загоскин (1808–1890), лейтенант российского флота, с 1838 г. — служащий Российско-американской компании. В конце 1838 г. 3. отправился к месту службы. 30 декабря 1838 г. он оставил Санкт-Петербург, 17 февраля прибыл в Оханск, 20 февраля — в Екатеринбург, 8 марта оставил Томск, 5 июля достиг Охотска.

В Тюмень приехал около полдня 24 числа.

<...>

В 66 1/2 верстах от Тюменя, со станции Романовой оставил влеве большую Тобольскую дорогу и поехал на вольных. Те, которые едут в Тюмень, не имея надобности быть в Тобольске, по этой дороге выкидывают 330 верст, притом езда на вольных гораздо покойнее и обходится дешевле; в иные годы берут на перерыв по 5 копеек за тройку и едут скорее почтовых. Я сделал в сутки 335 верст. По этой же дороге идут и все обозы из Восточной Сибири. Сидя в повозке, мне часто приходило на ум, что будь такая дорога в Англии, верно бы нашелся охотник и на пари в сибирскую стужу приехал бы в Иркутск в нанковом сюртуке, не ознобив ни рук, ни ног. Пользуясь лунными ночами, я не ночую.

27 февраля, поутру, стрелял в тетеревей и куропаток, но мимо, вероятно, отвык и устарел в четыре года кронштадтской жизни.

28 февраля, в 10 часов утра, под Пустынной станцией переехал Иртыш, полный воспоминаниями геройских дел первого завоевателя Сибири. На месте переправы левый берег отлог и во время разливов понимается водою; правый берег крут, открываясь за 18 верст, представляется нераздельным хребтом. Золотой крест церкви Пустынной станции придает особую величавость окружной картине. Дюма несправедлив, принимая воду непременною принадлежностью для оживления ландшафта, Иртыш зимой окован, но это самое закованное пространство, теряющееся в горизонте, отражая в фокус вашего зрения тысячи блесков, сливает их воедино и представляет море света; над ним тяжелая масса различных горных пород, кажется, хочет обрушиться и покрыть своим прахом; над всем этим золотой крест веры призывает к надежде в провидение. Такая картина стоит живописного пейзажа Женевы.

4. [1841, начало лета] *Kegel J. K. E. Forschungsreise nach Kamtschatka. Reisen und Erlebnisse von 1841–1847 / Hrsg. von W. F. Gülden. Verlag der Kulturstiftung Sibirien, SEC Publications, 2011. S. 29–31.*

Иоганн Карл Эренфрид Кегель (Johann Karl Ehrenfried Kegel, 1784–1863), немецкий агроном. 7 мая 1841 г. К. оставил Санкт-Петербург, отправившись в экспедицию для исследования Камчатки. К. прибыл на Камчатку в середине октября.

После Екатеринбурга продолжение путешествия в Томск может совершаться разными путями: через Тюмень и Тобольск, либо через Тюмень и Омск, либо через Шадринск прямо на Каинск. Последний путь — самый короткий, но так как это объездная дорога (*Nebenstraße*), то на почтовых станциях имеется недостаток лошадей для перемены. Поскольку нашим трем повозкам требовалось много лошадей, мы предпочли избрать путь через Тобольск.

5. [1841, июль] Выдержки из дневника одного из вдовых священников в 1841 г. // Астраханские епархиальные ведомости. 1880. № 1. 6 января. Отд. неофициальный. С. 5-8.

Герасим (Добросердов) (1809–1880), иркутский священник. Летом 1841 г. отправился в Санкт-Петербург для обучения в Духовной академии и пострига.

Омск — резиденция г[осподина] генерал-губернатора Западной Сибири лежит на полдень от грани — там в степи, на рубеже степей Киргизкайсацких — родных сестер с Барабою. Время здесь проведено мною — в чтении посланий апостола Павла к Колосаям и Фессалоникийцам, — и в преподавании детям уроков нравственности и объяснений вещей, для них непонятных. Будущее меня мало озабочивало: чего мне, думал я, заботиться?.. Разве не Господь меня вызвал из Иркутска — в этот Харран?..

По Ишиму и Исети народонаселение очень значительно; особенно около последней роятся села многолюдные, с прекрасными церквями; а поля волнуются жатвой, назревающей уже. В значительных слободах видишь следы ярмарок временных с разборными и подвижными балаганами. Местоположение более безлесное близ дороги. Строевого леса не видно вовсе: верст ста-за-полтора, говорят, достают его для зданий; слева и справа к дороге примыкают холмы и возвышения, покрытые житом, или травой зеленой. Не отвел бы глаз от картин, выставляемых природою в здешних местах, при более спокойном положении духа: так они очаровательны! Утрами, после молитвы теплой, я читал: послания ап. Павла или Псалтирь, объясняя иногда детям то или другое место из оных. Чем-нибудь да надобно же было мне отплатить моему благоде-

телю — отцу их, на прогонах которого и содержании я ехал без нужды к месту своего назначения. Вечерами я засыпал спокойно, будучи уверен с пророком Давидом, что *Господь хранит странников* (пришельцев). Путям безвестным, с людьми незнакомыми, я доверялся с полной надеждой, находясь как бы в кругу родных моих и присных. Таково упование мое на Господа... Тара уездный городок с г. Тобольском остались у нас вправо, Ишим с Ялуторовским — влево. Округи Ишима с Ялуторовском, особенно берега Исети кишат народом. Деревни большие с прекрасными церквами, там и сям виднеющимися не в дальнем одна от другой расстоянии. В некоторых из сел бывают местные ярмарки.

Въезжая в округ уездного города Пермской губернии Шадринска видишь и поражаешься новизною: дорога возвышена и окружена в два ряда прекрасной аллеей. Уезд Шадринский славится хлебородием. Редкие из жителей едят ржаной хлеб и в большом употреблении у них хлеб пшеничный. Не менее замечательно и то, что здесь око наблюдателя — сибиряка — опять видит сосну, которой так мало — почти совсем нет — на протяжении от Ачинска.

В г. Шадринск мы въехали утром. Город обстроен очень хорошо. Собор в готическом вкусе, с замечательною, можно сказать, даже богатой оградой. С полуденной стороны местоположение Шадринска очень схоже с местностью Иркутска, обмываемого Ангарою. Но это воспоминание не прошло мне даром: я было загоревал; обратясь, впрочем, с мольбою ко Господу и о себе и о других, я успокоился на весь день. Погода стояла ясная.

На пути к Екатеринбург в заштатном городе Далматове есть монастырь; он обстроен хорошо: дома жителей на городской вкус. Здесь опять я застрадался было. Устоявшийся и осевший на дно моего сердца ил грусти был поднят почти случайно печальными звуками нетрезвого старика, который пел про себя: «не кокую кокушка, не горюй горюшка!» Какое счастье — менее зависеть от впечатлений внешних, вносимых в душу нашу внешними чувствами! Дорожащий миром души должен жить жизнью духа, жить там — в заветном святилище сердца, где царствует Бог мира и радости?!.. На следующей станции я был изумлен собранием народным, в пору рабочую — будни: мне сказали, что у них сегодня ярмарка. Пошел я на ярмарку и что же? Чего хочешь, того и просишь... На всем пространстве от Шадринска до Екатеринбурга церкви прекрасные, более каменные по ту и другую сторону Исети, вьющейся около дороги с огромными селами. Часу в 7-м-8-м я уныл и тосковал невыразимо; все, казалось, отказывало мне в отраде. Черные думы, образовавшиеся от воспоминания неправд моей юности, тяготели надо мною, давили мое сердце, и я готов был броситься в объятия смерти. Впрочем взгляд на веселое небо, на восхитительные картины природы и надежда получить прощение у Господа за слезное раскаяние — с готовностью обратиться к Нему всем сердцем, несколько меня успокоили. Умиротворенный, с удовольствием размышляя я, что в эти часы, может, целые сотни добрых прихожан моих, собравшись по случаю предстоявшего праздника, в честь пророка Божия Илии, во храме св. Преображения в Иркутске, вспоминают меня, молятся за меня, желая мне счастливого пути. И кто знает? Может Ангел-хранитель, видя мою беспечность в сии часы, священные часы, с таким благоговением, в те годы проводимые мною, намеренно сокрыл от меня лучи радости и опеленал мое сердце скорбью, которая всего чаще заставляет меня обращаться к себе самому. Молитва, молитва! Как много тайн сокрыто в тебе! Тот ничего не знает, кто не молится, или кто молится, но не по детски. Детский вопль прост; но он слышится в селениях горних — у престола Отца Светов, слышится и сопровождается самыми благотворнейшими последствиями для нас!..

20 июля подъезжая к Екатеринбург, за несколько станций замечаешь, что природа переменяет свой облик...

6. [1842, ноябрь-декабрь] Миддендорф А. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. 1. Север и восток Сибири в естественно-научном отношении. Отд. 1. География и гидрография. СПб., 1860. С. 16.

Александр Федорович Миддендорф (Alexander Theodor von Middendorff, 1815–1894), естествоиспытатель и путешественник, в 1842–1845 гг. глава Сибирской экспедиции Академии наук, направлявшейся для исследования Северной Сибири и Дальнего Востока. 14 ноября 1842 г. М. оставил Санкт-Петербург, 17 ноября достиг Москвы, в последнюю неделю января 1843 г. экспедиция прибыла в Красноярск, 25 февраля — в Туруханск.

14 ноября 1842 года я с Брантом и Фурманом тронулся из нашей столицы. Тогда еще не было и речи о железной дороге, и мы, при всей поспешности и без остановок, прибыли в Москву только 17 числа.

Если теперь, начиная с Москвы, мы по карте поведем пальцем все дальше к востоку, держась постоянно почти одной и той же географической широты, то проведем линию большого Сибирского тракта, который прямою дорогой идет на Владимир, Нижний Новгород, Казань, Пермь, Екатеринбург, Шадринск, Ишим, Омск, Томск, Ачинск в Красноярск, где мы, на расстоянии почти 700 географических миль от Петербурга, достигли реки Енисея. Смотря по погоде, то есть наложит ли она снег ровным покровом или навеет его волнами, зимою по этой почтовой дороге с поклажей проезжают то до 49 географ. миль в сутки, то по 15, даже 10 и меньше, средним же числом от 25 до 30. Боясь запоздать, я избегал всякой остановки, даже на главных пунктах этой дороги, но должен был там или инде приостанавливаться для некоторых приготовлений к предстоявшему впереди путешествию; а в Омске, где я встретил новый год, своротил даже с большой дороги на юг, чтобы на Барнаульском заводе окончательно устроить наш земляной бур, которого наконечники и коленные винты я вез с собой из Петербурга...

7. [1845, конец июня] [Tiling, Heinrich Sylvester Theodor] Eine Reise um die Welt von Westen nach Osten durch das stille und atlantische Meer. Aschaffenburg: Verlag von C. Krebs, 1854. S. 7.

Генрих Тилинг (Heinrich Sylvester Theodor Tiling, 1818–1871), естествоиспытатель и натуралист, сотрудник Русско-американской компании. Весной 1845 г. Т. отправился к месту службы, в Аян на побережье Охотского моря. Даты в тексте указываются не всегда. 3 сентября Т. был в Якутске, прибыл в Аян 4 декабря.

(Из Тюмени). Хотя почтовая дорога на Томск идет через Тобольск и Омск, они свернули на ближнюю и более удобную дорогу через Ялуторовск и Ишим, и в это время к ним присоединился в качестве спутника немецкий разъездной торговец из Томска, который хорошо знал здешние дороги.

8. [1845, вторая половина лета] Небольсин П. И. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. СПб., 1850. С. 37-38.

Павел Иванович Небольсин (1817–1893), русский этнограф. Летом (в июле?) 1845 г. отправился из Санкт-Петербурга в Сибирь для исследования Алтайского горного округа.

Дорога из Екатеринбурга в глубь Сибири совершается двумя путями: главный путь пролегает или через города — заштатный Далматов и уездные Шадринск и Ялуторовск

на Тюкалинск, заштатный же город, и оттуда на почтовую дорогу в пределах Томской губернии — или на Тюмень, а оттуда на Тюкалинск и так далее. Этим путем следуют караваны с чаями и с другими товарами и все проезжающие, не имеющие надобности ни в Тобольске, ни в Омске. От Екатеринбурга до Тюмени обыкновенно ездят без подорожных, и все сельское население промышляет извозом. Действительно, благосостоянию здешнего края нельзя не подивиться и житьем-бытьем крестьянина не налюбуйся. Прекрасные дома, чистое белье, квартира у мужика комнаты в три-четыре, обед сытный, здоровый, из нескольких блюд... Невольно вспомнишь про Генриха IV и про его желание, чтоб его французики кушали всякий день курицу в супе. Здесь два раза в день чай и говядина — для крестьянина необходимость: кто в скоромные дни не в состоянии иметь куска мяса и рюмки вина перед обедом — того зовут уже бедным. О нищих, как мы их понимаем, здесь не имеют понятия. Лаптей, грязного платья, лохмотьев, неряшества — здесь не встретишь.

На этом пути, на той именно его части, которая лежит между Екатеринбургом и Тюменью, ныне устроены привилегированные вольные почты частной компании, и поселяне, по этой части пути, возить проезжающих права не имеют. Но возможность возить товары и извозничать по другим пунктам не может иметь влияния на уменьшение зажиточности. А богатство почвы и успехи земледелия еще более поддерживают эту зажиточность.

За Тюменью привилегированных вольных почт не вводят, так как здесь это составляет главнейший промысел сельских обитателей и почти единственный источник их благосостояния.

Собственно почтовый тракт лежит чрез Тюмень на Тобольск. Я сделал шесть концов по этому пути и всегда старался избегать Тобольска. Впрочем, один раз решился ехать превосходной почтовой дорогой и сделать лишних двести верст крюка из одного любопытства видеть памятник покорителю Сибири.

9. [1848, март-апрель] *Atkinson T. W. Oriental and Western Siberia: A Narrative of Seven Years Explorations and Adventures in Siberia, Mongolia, the Kirghis Steppes, Chinese Tartary, and part of Central Asia. New York, 1858. P. 139-149. См. также: Atkinson L. Recollections of Tartar Steppes and Their Inhabitants. London: John Murray, 1863. P. 163 etc.* Текст сочинения Т. Аткинсона дается в виде абрже.

Томас Уитлам Аткинсон (Thomas Witlam Atkinson, 1799–1861), архитектор, художник, и его жена, Люси Аткинсон (Lucy Atkinson, урожд. Lucy Sherrard Finley, 1817–1893) в 1848-1853 гг. предприняли путешествие на Алтай, в Монголию и на Саяны. Хронология начального этапа пути: 13 февраля 1848 г. они оставили Санкт-Петербург, 22 февраля — Москву, 21 марта — Екатеринбург, 4 апреля прибыли в Томск.

[139] По совету моих друзей в Екатеринбурге я был вынужден нанять слугу. Слуга — студент-медик из Казанского университета. [140] Отъезд. Вид Екатеринбурга в долине. Последний взгляд на Европу. Каменский завод. [141] Поездка для эскизов в долину Исети. Утес «Адамова голова». Обед у директора завода. [142] Отъезд. Звон колоколов в темных лесах Сибири. Странные полуночные нищие. На рассвете открылась бесконечная сибирская равнина. [143] Долина Исети. Далматовский монастырь. [143-144] Осмотр монастыря. «Поскольку это была первая станция в Сибири, на которой я остановился, чтобы освежиться (for refreshment), я начал сравнивать ее с тем, что видел на европейской стороне Урала». Станция опрятная, смотритель в полной форме, сильный контраст с тем, что А. видел на европейской стороне. Поездка по высокому берегу Исети. Лошади лучше, чем в Европе. Равнина. Изгороди. Стада. [145] За час двадцать доехали от станции до станции, 22 версты. Станция на берегу Исети. Съехали

с берега Исети в лес. 20 верст. Снова Исеть. Купола и шпили Шадринска. [146] Станция в 28 верст за час сорок. За двадцать минут в Шадринске лошади были готовы. Спустя короткое время после Шадринска мы въехали в прекрасную страну — пастбища, леса, словно бы высаженные человеком. Исеть осталась в отдалении на юге. Станция. Станция. Граница губерний. Пересечение Исети в сумерках, Тобола на рассвете. «Оставляя Ялуторовск в двадцати верстах к северу, при наступлении утра [147] мы были в ишимской степи между Тоболом и Ишимом». Много озер. Большая партия ссыльных. Описание этапов и передвижения партий. [148] Безрукова. Дорога проходит в двадцати верстах от Ишима и потом поворачивает на восток. Вид Ишима над Ишимской степью. Вдоль песчаных берегов Ишима, пересечение Ишима на пароме у Абатского. Kroutoia. Тюкалинск. Veokichevo station. Поворот на северо-восток по долине Иртыша. Вид Иртыша. Курганы. «В десять часов мы достигли станции “Tchernoï Ozernaia”». [149] Серебряная. Постник. Дваobeliska, обозначающих границы Тобольской и Томской губерний.

10. [1849, июль] Паришин В. П. Описание пути от Иркутска до Москвы, составленное 1849 г. М., 1851. С. 116–119.

Василий Петрович Паришин (1805–1853), отставной советник Иркутского губернского суда. Путешествие П. из Иркутска до Москвы относится ко второй половине лета 1849 г. (отъезд из Иркутска — 9 июля).

Отсюда (из Шадрина, Шадринска) волей-неволей, а надобно проезжать на вольной почте. Признаюсь, я не знал вполне ее значения и потому, ошибочно, взял подорожную до Москвы. Но подорожная моя здесь потеряла свое значение — до Казани.

Узнав значение вольной почты и ее права, я изумился. На расстоянии более 1000 вер., т. е. от Шадрина до Казани и за Казань еще на одну станцию, должно платить тройные прогоны, т. е. вместо 3 коп. сер. за пару, по 9 коп. сер., потому что вас заставят взять третью лошадь, под предлогом тяжести экипажа, и повезут потом на разбитых и охромевших лошадях, с бережливостию, — как пресное молоко, — мудрою хлынцою!..

По этой линии более 1000 в. никто не имеет права ехать на вольно-наемных, и таким образом населенность на всем этом пространстве лишается своих выгод.

До Шадрина, я спокойно ехал за обыкновенные, казенные прогоны и везде видел соперничество ямщиков, которые возят даже по 4 коп. асс. за лошадь. То же было бы и далее, — но право провоза перешло в руки спекуляции, и те же самые крестьяне, которые занимались прежде извозом, живучи по тракту, служат по контрактам — на вольной почте. Но надобно знать, каково их положение?

Купцы, однако ж, довольны этой почтою: они теперь по три человека ездят на тройках, в огромнейших экипажах и постоянно везут под собою от 45 до 50 пудов товаров, выбирая товары более легкие и ценные. Расчет верен. Они платят то же, что платили прежде каждый за себя; но теперь быстрый и безостановочный провоз 50 пудов ценных товаров есть уже чистый выигрыш и во времени и в провозе товаров.

Интересна встреча с экипажем, нагруженным тройною тягостию трех седоков, которые, упиравшись головами в балок повозки или брички, сохраняют с удивительною ловкостию равновесие — на верху перины или ковра покрывающих дорожную свежинку модных товаров, которые они спешат доставить любителям. Благодетельное шоссе очевидно покровительствует им и грузному экипажу.

За то, что за роскошь теперь, на всем пространстве, где владевает вольная почта! Почтовые дома великолепны как барские дачи, прекрасно меблированные, со всеми удобствами и даже услугами для самого прихотливого путешествия. Таким образом, здесь можно удовлетворить всем прихотям, вдоволь и безденежно наглядеться на

светлые комнаты, блестящую мебель, зеркала, и даже насладиться запахом утонченной кухни, потому что об руку с этими помещениями и заведение вроде ресторана.

Однакож, любя правду, мы должны здесь выразить мысли свои откровенно. <лакуна>лями вольной почты, — мишура и блески, которыми они прикрывают свою спекуляцию. Это в сущности — не почтовые дома, а гостиницы, т. е. другая ловушка, направленная на карманы проезжающих.

Впрочем изобретательности ее я отдаю полную справедливость!..

11. [1849, начало лета] Баранов А. Е. На реке Амуре в 1854–1855 гг. Воспоминания офицера из отряда Н. Н. Муравьева // Русская старина. 1891. Т. 71. № 8. С. 327–328.

Баранов (инициалы и годы жизни не установлены), молодой человек, решившийся, после назначения генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьева, отправиться в Иркутск, чтобы искать должности в обновляемой местной администрации. Б. отправился из Москвы в мае 1849 г. и ехал до Иркутска, как сам говорит, около месяца.

Выехав из Москвы, в мае месяце 1849 г., мы весь путь сделали на лошадях (около 6000 верст), так как ни железных дорог, ни пароходов тогда не существовало. <...> Из городов, после Нижнего Новгорода и Казани, представлял интерес только Екатеринбург, по своим изделиям из ценных камней. От этого города, на Томск и Красноярск, мы ехали не почтовым трактом через Тюмень, но по Барабинской степи, выгадывая сотни две верст пути. К тому же на этом тракте в то время вольные ямщики провозили за плату на половину меньшую против почтового. Лошади здесь были хорошие, неутомимые, нередко везли по две станции, верст шестьдесят, не кормя и быстро. Оне были, большей частью, мало езжаные и случалось, что, во время запряжки, ноги их были в путах, которые осторожно снимались после того, как ямщик усаживался на козлы и забирал возжи. Тогда вся тройка бросалась скакать и шла во весь карьер версты две-три, пока обойдется. Станции собственно не было; многие крестьяне занимались извозом, передавая седоков из деревни в деревню знакомым ямщикам, называемым дружками, почему езда по Барабинской степи называлась попросту «на дружках». По этому тракту шли все обозы на Томск, Красноярск и Иркутск, почему в деревнях имелись обширные постоянные дворы.

12. [1851, май] Дитмар К. Поездки и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг. Ч. 1. Исторический отчет по путевым дневникам. СПб., 1901.

Карл Владимирович Дитмар (Woldemar Friedrich Carl von Ditmar, 1822–1892), геолог. 2 мая 1851 г. отправился из Санкт-Петербурга в Камчатку для исследования ее в географическом и геологическом отношениях. Ехал обычной дорогой через Москву и Пермь, в Екатеринбург Д. прибыл 23 мая, в Иркутск 13 июня, в Аян на побережье Охотского моря — 19 августа 1851 г.

2 мая 1851 г. я отправился из Петербурга через Москву и Пермь в Екатеринбург, куда из-за остановок в названных городах прибыл лишь 23 мая.

От Екатеринбурга, а стало быть, от восточного склона лесного Уральского хребта поверхность круто понижается к Барабинской степи, которую прорезывает система Оби с ее громадными реками — неживописная, ровная, но в южных своих частях большей частью плодородная местность. Всюду — на водных путях и сухопутных дорогах, между большими и малыми городами — здесь часто встречаются большие, богатые села, образующие сеть заселенных линий в пустынном степном пространстве Западной

Сибири. В Екатеринбург я, оставив почтовый тракт, направляющийся большой дугой к северу через Тюмень, Тобольск и более значительные города, отправился ближайшим, но не менее оживленным путем, проходящим более в восточном направлении. В Сибири проселочные дороги для проезжающего нередко оказываются выгоднее почтового тракта. На них нет, правда, почтовых станций, но зато крестьяне возят скоро, хорошо и очень дешево, причем ямщик в ближайшей деревне передает пассажира своему приятелю, который везет до следующей станции и т. д. Таким образом часто обходятся большие излучины почтового тракта.

Избранный мною путь и представлял такой частный крестьянский почтовый тракт, который шел сперва через городок Шадринск, затем у богатой Абацкой слободы, через Ишим, разливающийся здесь наподобие озера; далее дорога шла через городок Тюкалинск, потом через весьма быстротечный Иртыш у большой деревни Серебряной, через городки Каинск и Колывань, наконец, через Обь у деревни Дубровиной, похожей на город. За Обью приходится проехать еще лишь через несколько русских деревень, а затем начинаются поселения томских татар, которые от русских деревень отличаются только заменой церкви мечетью. 3 июня я переправился через широкую Томь, проехал через построенный на ее высоком берегу богатый Томск и достиг утром 6 июня реки Чулыма, на береговых холмах которой живописно раскинулся городок Ачинск. Чулым — последняя из принадлежащих к системе Оби река и, вместе с тем, граница между Восточной и Западной Сибирью.

13. [1856, май] Семенов-Тянь-Шаньский П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856-1857 годах // Петр Петрович Семенов-Тянь-Шаньский. Мемуары. Том второй. М.: ОГИЗ, 1948. С. 40–45.

Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский (1927–1914), географ. Цитируется фрагмент путешествия С. на Тянь-Шань, осуществлявшегося в 1856-1857 гг. Доехав из Санкт-Петербурга до Москвы по железной дороге, а затем по шоссе до Нижнего Новгорода, 15 мая 1856 г. С. достиг Казани и через восемь суток прибыл в Екатеринбург. В начале июня С. достиг Омска, откуда готовился отправиться в Среднюю Азию.

Ознакомившись при помощи В. А. Полетики со всеми особенностями горной промышленности Екатеринбурга, я выехал из него уже 26 мая. На протяжении трехсот тридцати верст дорога шла по реке Исети через Шадринск — последний уездный город Пермской губернии. Горы или, лучше сказать, холмы, служащие предгорьями Урала, простирались еще станции на две от Екатеринбурга, но далее они уже сгладились, твердые осадочные горные породы ушли окончательно под наносы, хвойные леса сначала стали обнаруживать примеси березы и осины, а затем вытеснились лиственными, перемежавшимися с обширными луговыми пространствами и крестьянскими полями. За Шадринском, а тем более за границей Тобольской губернии передо мной расстилалась необозримая Западно-Сибирская низменность, самая обширная в Старом Свете, абсолютная высота которой не превосходит 200 метров и на которой, начиная от последних уральских до первых алтайских предгорий, нет ни одного камня ни в виде твердой горной породы, ни даже в виде валунов, так что обилием каменных строевых материалов эта страна похвастаться не может.

С любопытством присматривался я к характеру весеннего покрова Западно-Сибирской низменности и скоро убедился в справедливости замечания знаменитого автора первой сибирской флоры, Гмелина, который еще в XVII веке заметил, что, собственно, характерная сибирская флора на большом сибирском тракте начинается только за Енисеем. Никакого резкого перехода от типичной растительности, одевающей вес-

ной всю славянскую равнину от Силезии до Урала, не оказалось. Из цветов, оживлявших в то время (в конце мая) обширные луговины Западной Сибири, светлолиловые, пушистые, грациозно поникшие головки ветреницы, носящей у нас поэтическое название сон-травы (*Pulsatilla alba*), золотые цветы горичвета (*Adonis vernalis*), выходящие из густых пучков своих яркозеленых перистых листьев, и густосиние цветы лазуревой медуницы (*Pulmonaria azurea*) давали на обширных пространствах окраску растительному покрову, и только замена желтых полумахровых головок европейской купальницы яркоогненными цветами не менее махровой азиатской формы этого красивого растения (*Trollius asiaticus*), особенно эффектного там, где оно покрывает поляны обширными зарослями, напоминала мне, что я уже нахожусь посреди азиатской равнины. В особенности же поразило меня в этом растительном покрове то, что самые характерные его растения любят жить, как и здешнее земледельческое население, общинной жизнью и своим скучением придают чудную яркую окраску обширным пространствам. Выставленные в устроенном мной Русско-Азиатском отделе Парижской выставки 1900 года картины художника Ярцева, изображавшие растительный покров Сибири, главным образом долин Енисея, очень наглядно передавали эту особенность сибирской флоры.

Большую красоту придают Западно-Сибирской равнине ее светлые, исполинские реки, неизмеримо многоводные весной. Первой из лежавших на нашем пути зауральских рек был Тобол, через который мы переправились близ г. Ялуторовска 28 мая еще до восхода солнца, светлой, поэтической майской ночью.

За Тоболом нам уже не было надобности останавливаться на казенных почтовых станциях. Лихие ямщики очень охотно везли тарантас на тройках за казенные прогоны (по 1 1/2 коп. с версты и лошади) «на сдаточных», передавая едущего друг другу. Это избавляло нас от скучного предьявления и прописки подорожной, от ожидания очереди при переменах лошадей и вообще от неприятных сношений со стоявшими на низшей ступени русского чиновничества «станционными зрителями», которые были все огульно произведены в низший классный чин (коллежского регистратора) на моей памяти, в царствование Николая I, только для того, чтобы оградить их от жестоких побоев проезжих «генералов». В Сибири, впрочем, эти побои были редки. При великолепных крестьянских лошадях и высшем развитии извозного промысла, при котором скорость езды на почтовых могла быть доведена до 400 и более верст в сутки (!), генералы всегда были довольны, да и забитый, захудалый почтовый чиновник совершенно стусевывался и казался излишним перед богатым и самобытным молодецким ямщицким старостой, который сам готов был сесть на козла нетерпеливого генерала для того, чтобы провезти его одну станцию с лихой удалью. Для меня переезд по Сибири на сдаточных представлял тем больший интерес, что мои остановки и роздыхи происходили не в скучных, построенных по одному официальному образцу казенных почтовых дворах, а в избах зажиточных сибирских крестьян, охотно занимавшихся извозом. Лихая тройка, запряженная в мой тяжелый тарантас, подхватывала его сразу и мчала марш-маршем на всем протяжении от станции, за исключением длинных подъемов, по которым сибирский ямщик любит ехать шагом; при этом завязывались между ним и мной самые интересные разговоры, в которых русский крестьянин без страха (а таких мы встречали не мало) готов был выложить всю свою душу. Как ни близко знал я своих земляков — крепостных рязанских крестьян, как ни доверчиво относились они к своему выросшему вблизи них и на их глазах барину, но все-таки в беседах об их быте и мировоззрениях, в заявлениях об их нуждах было что-то недоговоренное и несвободное, и всегда ощущался предел их искренности... Крестьяне — старожилы Сибири, выросшие и развившиеся на ее просторе, не знали крепостной зависимости, и им легче было выкладывать свою душу в разговорах с людьми,

приехавшими издалека и не принадлежавшими к их местным бюрократическим притеснителям — чиновникам. Поэтому я с успехом пользовался своими переездами, а еще более остановками в избах сибирских крестьян для того, чтобы ознакомиться с их бытом, аграрным положением и мировоззрением.

Избы крестьян южных уездов Тобольской губернии поражали меня своим простором по сравнению с тесными курными избами крестьян черноземных великорусских губерний: обыкновенно они имели шесть окон на улицу, а иногда и до двенадцати, крыты были тесом, а иногда были построены в два этажа. Попадались в селениях и кирпичные крестьянские дома богатых крестьян, крытые железом. Пища крестьян была необыкновенно обильна. В самых простых крестьянских избах я находил за обедом три и четыре кушанья. Мясная пища, состоявшая из говядины и телятины, домашней птицы и дичи, а также рыбы, входила в будничный стол наполовину. К этому присоединялись пшеничный и ржаной хлеб, пельмени — любимое блюдо сибиряков, овощи и молочные продукты, последние — в неограниченном количестве. При развитии скотоводства и значительных посевах льна и пеньки самодельная одежда сибирских старожилов также была несравненно лучше одежды крестьян Европейской России, особенно черноземной ее полосы.

Сибирские старожилы не хотели верить, что в Рязанской губернии на целый двор приходится иногда по одному тулупу, да им и не представлялось возможным существовать без того, чтобы каждый член семьи не имел своей теплой одежды; при этом раздельность одежды у каждого развивала индивидуальность и предприимчивость отдельных личностей; тому же способствовала и их разнообразная самодеятельность. Простор был у них не только в доме, но и на пастбище, и в поле; он не давал повода к мелким семейным раздорам и неурядицам, так часто осложняющим жизнь наших европейских крестьян и часто вынуждающим их, вследствие тесноты жилищ, к преждевременным и экономически вредным семейным разделам.

Все эти условия жизни сибирских крестьян обеспечивали не только силу двора, но и крепость общинного союза, в котором сельское население чувствовало совершенную необходимость для борьбы со стихийными силами природы и с внешними врагами. В пользовании семейными отводами общинный союз до поры до времени очень мало стеснял отдельных домохозяев. Каждый из них путем беспрепятственного захвата брал земли, сколько хотел, и, расчищая ее, хозяйничал на ней, как хотел, часто основывая на этой земле и постоянные и переносные фермы (заимки). Уважение к чужим рощицам да и вообще к чужому хозяйству было так велико, что захватчиков чужого добра между сибирскими крестьянами не существовало, а разбойниками и грабителями являлись только беглые каторжники и блуждающие ссыльные поселенцы, против которых, в случае их разбоев, сибирские старожилы учиняли травли и самосуд. Только тогда, когда крестьяне, как они выражались, терпели утеснения в земле, то есть ее недостаточность, община входила в свои права и предпринимала принудительные меры к урегулированию поземельных отношений, что всегда вызывало неудовольствия отдельных лиц, нейтрализуемые только мирскими приговорами, которым подчинялись все безусловно. Как ни плохи и лихоимны были сибирские чиновники, составлявшие отбросы русской бюрократии, сильные общины с успехом выдерживали с ними борьбу.

Продолжаю свой рассказ. Второй значительной сибирской рекой, лежавшей на нашем пути за г. Ишимом, был Ишим. К нему мы выехали через Ишимскую степь, в которой реки встречаются редко, но которая представляла в это весеннее время низменную, сырую равнину, богатую стоячими водами и поросшую березовым мелколесьем. Дорога через Ишимскую степь на большом протяжении имела вид широкой гати, обрытой с обеих сторон канавами.

31 мая, рано поутру, мы были уже в виду широкого разлива Ишима, близ села Абацкого, красовавшегося со своими двумя церквями на левом берегу реки. Дорога была ужасная, тарантас бросало из стороны в сторону так сильно, что, несмотря на все мои заботы о целостности моего барометра, он разбился вдребезги. Разлив Ишима имел 8 верст в ширину, то есть был вдвое шире разлива Тобола, а потому переправа через него заняла не менее пяти часов времени. Дважды четыре садились мы на мель в мелководных разливах, но, наконец, порыв ветра нанес нас на гриву, то есть на ту отмель, которая обозначала побережье русла реки. При въезде в это русло сильное в нем волнение сделало наше положение критическим, и наша лодка могла быть опрокинутой, если бы гребцам, бросившимся в воду, не удалось продвинуть лодку через гриву, и в несколько минут мы были уже в быстром и бурном Ишме, через русло которого переправились в три четверти часа. Вдали, впереди нас, поднимался крутой уступ правого берега реки, большею частью прикрытый дерном и кустами. На сухой песчаной почве промежуточной полосы увидел я в первый раз обширную красивую заросль чисто азиатской растительной формы, покрывавшую большое пространство своим золотым покровом. Растение это — открытая и описанная впервые великим Палласом форма касатика (*Iris flavissima*) — принадлежит также к растениям сибирской флоры, любящим общинную жизнь.

Обнажения крутого уступа состояли из глинистого наноса, а под ним из горизонтальных слоев песку без всяких валунов. Поднявшись на уступ, я опять увидел необъятное продолжение Ишимской степи, простирающейся еще верст на 200, уже через Омский уезд до Иртыша. Березовые перелески, луга и обширные пространства стоячей воды перемежались между собой. Растительный покров влажной степи носил все еще европейско-русский характер. Пушистый лиловый сон (*Pulsatilla*), золотые горичветы (*Adonis vernalis*), белые крупные цветы другой ветреницы (*Anemone silvestris*), бледножелтые стройные мытники (*Pedicularis sceptrum-carolinum*), высокие красные медовики (*Phlomis tuberosa*) и, наконец, на более сухих местах грациозно волнующийся на ветре ковыль (*Stipa pennata*) всего более характеризовали покров степи, которой несметное количество водных птиц придавало невероятное оживление. Утки разных пород ходили попарно по большой дороге, поднимаясь только из-под быстро мчавшегося экипажа. Многочисленные стаи гусей спускались без страха на бесчисленные небольшие водоемы, дупеля и бекасы беспрестанно с шумом вылетали из болотных трав. Немного далее самка большого серпоклювого степного кулика (*Numenius arquatus*) с жалобным криком вилась около скачущих коней как бы желая остановить их размахом своих длинных крыльев и защитить от их копыт свое еще беспомощное потомство, таящееся где-нибудь в высокой траве у степной дороги. Еще дальше пара журавлей с криком испуга и распущенными крыльями билась со степным кречетом в двух шагах от большой дороги, не смущаясь бегом лошадей. Самка падает, опрокинутая быстрым натиском кречета, но самец отчаянно бросается на него, и кречет, выскочив из-под набегающих коней, взвизгивает высоко и парит далее над степью, высматривая себе более легкую добычу.

Утром 1 июня мы выехали у Красного Яра на третью и самую исполинскую реку Западно-Сибирской низменности — Иртыш. Обнажения, встреченные мною здесь, состояли уже не из наносов, а из спокойных отложений перемежающихся песчаных слоев пресноводного бассейна новейших формаций. Пески эти во всех своих обнажениях вдоль Иртыша заключали в себе неисчислимое количество раковин, собранных мною и описанных впоследствии впервые в «*Zeitschrift der deutschen geologischen Gesellschaft*». Только позже я узнал, что раковины эти не ускользнули от внимания великого путешественника XVIII века Палласа, но он упоминает, впрочем, о них без их описания.

У Красного Яра я расстался со своим спутником В. А. Полетикой, направившимся в Барнаул, не заезжая в Омск, и взявшим с меня слово остановиться у него в Барнауле, куда я должен был приехать, справив свои дела в Омске.

От переправы через Иртыш при Красном Яре, где колоссальная река уже не была в своем полном разливе, до Омска оставалось еще сорок пять верст. Я приехал туда первого июня к вечеру...

14. [1860, октябрь] Максимов С. В. На восток. Поездка на Амур (в 1860-1861 гг.). Дорожные заметки и воспоминания. СПб., 1864. С. 116-117.

Сергей Васильевич Максимов (1831–1901), этнограф. В 1860 г. М. по поручению Морского ведомства отправился на Дальний Восток для исследования только что приобретенной Амурской области.

Время между тем уносило пространства. Мелькнул чистенький, каменный Екатеринбург; торговый и хлопотливый Шадринск. Дорога вела по настоящей Сибири, хотя пермяки отказывались от названия сибиряков, уклончиво и наивно указывая границу Сибири с Россией там, где она сошлась с границей губерний Тобольской и Пермской. Вот и Сибирь, и сибиряки — и ничего резкого, ничего бросающегося в глаза на первых порах. Круто завертывали октябрьские морозы, бойчее бежали лошадки; народ глядел несколько веселее и толковал посвободнее: ни дать ни взять как в благословенных странах Архангельского края. Изумляет поразительное сходство говора в названии предметов первой необходимости, относительная чистота домашних помещений и еще некое. Вот и могила Ермака, исторический Иртыш, на днях только остановившийся и еще не успевший затянуться в зимний саван; ребрами стоял лед, запружая дорогу и являя ту же безобразную картину, какую имеет и Нева после первого ледостава. Бурлила вода быстрого Иртыша в тех местах, где лед оставил полыньи, еще не успевшие затянуться даже салом. Мы въехали в гору крутым, обрывистым оврагом: за горой раскинулась деревушка.

— Далеко ли у вас тут Бараба-то? — спрашивал я.

— Да вот Бараба все и пойдет от нашей деревни. Мы уже в степи живем.